

Н. Б. Граматчикова
**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА
 В СКАЗАХ П. П. БАЖОВА (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)***

УДК 821.161.1

ББК 83.3(235.5)6

В статье на основании анализа этнографической составляющей культуры детства в художественном мире П. П. Бажова осмысливается связь этой сферы жизни с различными функциональными аспектами сказов. Этнография детства глубоко связана с формированием аксиологии бажовского сверхтекста, где наказание/поощрение героя приходит через его потомство и зависит от его нравственных качеств. Также рассматриваются понятия «нормы» и «памяти» и их сохранение в условиях разнообразных форм взаимодействия с представителями «тайной силы», к которому причастны дети кровные, «подменные» и сироты в контексте практики усыновления. Делается вывод о разноплановом авторском использовании ресурса этнографических описаний в тексте от базовой функции формирования доверия к авторскому слову до полноценного участия в построении авторской художественно-мифологической картины мира, где этнографические реалии, имеющие отношение к теме детей и семьи, выделяются особой аксиологической нагруженностью.

Ключевые слова: *этнография детства, традиционная культура, дети, усыновление, норма, сирота, потомство, мифологическое сознание, достоверность*

В истории литературы героический, этнографический, генеалогический и дидактический аспекты рождаются почти одновременно в недрах мифологического сознания, выкристаллизовываясь из него путем многократного, часто болезненного, сопоставления «своих» и «чужих». Так происходит на заре европейской литературной традиции — в эпических поэмах Гомера и Гесиода, в «Истории» Геродота, где авторы, в меру своей мудрости и любознательности, стремятся запечатлеть черты иных народов, попутно формируя представление о собственных ценностях. В дальнейшем художественный и этнографический дискурсы все более обособляются, но продолжают развиваться как взаимоподпитывающие среды, имея в качестве соединяющего звена ценностную иерархию.

Говоря о региональной литературе, мы с неизбежностью осмысливаем удельный вес и функциональность этнографической составляющей словесности, ее место и роль в художественном целом. Иногда такое исследование второстепенно, но сказки П. П. Бажова, можно сказать, «провоцируют» подобный подход.

Сказ как литературный жанр характеризуется установкой на достоверность. Доверие к тексту формируется несколькими способами, в числе которых выделим авторитет рассказчика и детали быта, позволяющие опознать реальность как «свою». Значительная часть бажовских сказов базируется на сюжетной схеме былички, и, значит, вся нагрузка по формированию доверия к тексту ложится не на сюжетное ядро (встреча человека с представителями «иного мира»), а на этнографические реалии, отсылающие к обыденному, повседневному. Реализация базовой функции — формирования доверия читателя / слушателя к тексту — происходит у Бажова параллельно с воплощением более сложных художественно-философских задач, в качестве ресурса которых выступает этнография детства.

Насколько нам известно, этнография детства, отраженная в художественном мире Бажова, еще не была предметом научного анализа в своей целостности, тогда как материал представлен богатый и интересный: в сказах Бажова мы можем найти данные о количестве детей в семье, их желанности, о занятиях и играх детей, о раннем начале трудовой деятельности, о взаимоотношениях родственников в семье, о материальном положении семей с детьми, о проблемах сиротства и передачи опыта и мастерства и др. В данной статье под этнографией детства мы будем понимать комплекс представлений, связанных с детьми, — с их рождением и смертью, играми и заботой

*Граматчикова Наталья Борисовна — к.филол.н., н. с. сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: n.gramatchikova@gmail.com*

* Статья написана по интеграционной программе УрО и СО РАН «Литература и история: формы взаимодействия и типы повествования»

о них со стороны взрослых, с продолжительностью детства и практиками наставничества. При этом мы разделяем точку зрения исследователей, считающих, что сказовое творчество Бажова (а возможно, и все его творчество в целом) обладает сверхтекстовым единством.¹

*«Ребят, конечно, у их вовсе не было.
Где уж таким-то»*

Осмысление первого же раздела этнографии детства — причинно-следственных коррелятов наличия или отсутствия детей в семье — выводит нас на сложно структурированное ценностное поле сказов Бажова. Аксиологическая наполненность этнографизма Бажова становится вполне очевидной и при попытке определить «качество» потомства.

Одной из базовых ценностей традиционной культуры является жизнь рода, его продолжение и развитие. Для традиционной культуры наличие детей в семье — показатель ее нравственного, физического и материального благополучия. Как говорится, «у кого детей много, тот не забыт от Бога»; при этом здоровье, уровень развития, особенности характера детей вторичны по отношению к самому их наличию.

В сказах Бажова есть бездетные и многодетные семьи. Если супруги живут в ладу и «не знают меж собой остуды», то их потомство свидетельствует о верно избранном и прожитом пути. Многодетные семьи в сказах Бажова таковы: восьмеро живущих в мире и согласии сыновей Катерины и Данила и девятая долгожданная дочка («Хрупкая веточка»), «целая роща» здоровых и рослых ребят у Глафиры и Перфила («Золотые дайки»)². Благословение, явленное через детей, убедительнее отступления от религиозных принципов, поскольку понимается как непререкаемое свидетельство самой жизни: «На что Михай Кончина старого слова человек, и тот по ребятам сестру признал. Седой уж в ту пору был, а смирился. Зашел как-то в избу и говорит: “Ладные у тебя, сестра, ребята. Все ладные. Не тем, видно, богам скитники кадили, когда тебя

проклинали”».³ Многодетна семья Усти-Соловьишны и ее мужа-камнереза («Травяная западенка»). Исключение составляет большая (с десятью нахлебниками), но нерадостная семья «горюна» из «Серебряного копытца». Однако исключения (как и в случае с бездетным Жабреем) не противоречат описанной тенденции, но придают бажовским текстам обаяние живой жизни, лишенной однозначности.

Семья с двумя-тремя детьми обычно оказывается символом некоего слома, обрыва жизни на взлете, часто в результате ранней смерти одного или обоих супругов. Так, после смерти жены Ганя Заря остается с двумя детьми («Таюткино зеркальце»); умирают родители Даренки и ее сестер («Серебряное копытце»); Степан оставляет Настасью с тремя детьми («Малахитовая шкатулка»).

Брак без детей ущербен в нравственном отношении. В этом отношении показательна бажовская ремарка о семье Ваньки Сочня («Сочневы камешки»), вынесенная в заголовок данного раздела статьи. Приведем это замечание в контексте: «Смолоду-то около господ терся, да за провинку выгнали его. Ну, а зараза эта — барские-то блюда лизать — у него осталась. <...> И женешка ему под стать была, не то что гулящая али вовсе плеха, а так... чужой ужной звали: на даровщину любила пожить. Ребят, конечно, у их вовсе не было. Где уж таким-то» (с. 133). Слово «конечно», несколько неожиданно сопровождающее вывод о бездетности незавидной пары, бескомпромиссно связывает способность иметь детей с нравственными качествами персонажей; при этом читателю не дано ни единого шанса «ускользнуть» от подобной категоричности суждений, ведь, по замечанию Д. Жердева, «рассказчик... выступает как единственно компетентный субъект не только повествования, но и, соответственно, организации и оценки языковой, социальной, эстетической среды — “мира сказов”».⁴

Потребность в родительской реализации представлена в сказах Бажова как одна из сильнейших у человека, особенно у женщины. Так, на протяжении всей жизни Глафиры («Золотые дайки») эта потребность служит

¹ Об этом см., напр.: Литовская М. А. Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 434–451; Жердев Д. Поэтика сказов Бажова // Миф. Ру. Научная библиотека. URL: http://mith.ru/alb/lib/bazov/mim2_1.htm (дата обращения: 1.03.2014).

² Напомним, кстати, что сам Перфил — один из семерых братьев, что сближает его с героями многочисленных сюжетов уральской топонимики.

³ Бажов П. П. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 1952. С. 225. В данной статье мы ограничились сказами первого тома ввиду обширности материала. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, где в круглых скобках указывается номер страницы.

⁴ Жердев Д. Указ. соч.

своеобразным «барометром», на шкале которого автор отмечает «градус» ее отношений с мужьями и уровень их человеческих качеств. Первый муж оказался болтуном, с ним «доли не вышло». Второй брак был неплох, год-два «жили ладно», да «об одном Глафира скучала: ребят не было. И к счастью оказалось» (с. 219). В контексте сказов Бажова отсутствие детей, оцененное как удача, как нельзя лучше характеризует бесплодный во всех смыслах брак. От самоубийства Глафиру спасает ее собственное отражение в озере, когда она в праздничном наряде была: озерное зазеркалье напоминает ей о нерастратенном потенциале, о нереализованной материнской доле (женский праздничный убор в традиционной культуре есть эстетическая и символическая квинтэссенция материнского и женского статуса). «Не может того быть, чтоб ни одного дитенка не выкормить. Не в одном городе да Шарташе люди живут. Подальше уйду, а свою долю найду!» (с. 221) — таково решение Глафиры. Вскоре ее нескладно повернувшаяся судьба выправляется благодаря встрече с обрученным «кольцом через землю» Перфилом, с которым она живет в счастливом многодетном браке.⁵

Бездетный брак положительных персонажей у Бажова — всегда свидетельство их некоей ущербности, несчастья, обездоленности, даже если герои глубоко симпатичны автору. Само упоминание об этой стороне брака как о полноте/ущербности судьбы неизбежно именно в силу господства в сказах особого типа мифологического сознания, которое требует завершенности картины, а ее значимым элементом безусловно является наличие/отсутствие потомства и его качественная характеристика.

Так, бездетна пара Илья — «мраморская» («Синюшкин колодец»). Кроме бытовых объяснений (слабость здоровья), можно увидеть в этом и последствия контакта Ильи с Синюшкой, при котором функцию оберега, не допускающего немедленной гибели героя, выпол-

няет подарок бабки Лукерьи; учтем также прямую и честную натуру Ильи и его формальное пребывание в статусе сироты.⁶

Выделяется бездетный, но гармоничный брак Жабрея с Жабреихой («Жабреев ходок»). Эта пара пребывает в относительной самоизоляции, живет обособленно, не подпуская близко к себе «комариную породу». Проверки Жабреем взрослых и детей «комариной породы» настолько же регулярны, насколько и неутешительны. Думается, бажовский текст здесь вскрывает процесс взаимного отторжения Жабрея и «мира», поскольку ограничение контактов Жабрея в символическом плане связано и с его отказом от укорененности в мире: у Жабрея детей нет, ни «комариной породы», ни собственной. Именно поэтому явление ему долгожданного Дениски Сироты, ломающего его представление о тотальной людской жадности и мелочности, приводит Жабрея к мысли открыть подростку свою главную тайну, т. е., фактически ввести его в статус наследника. Это означало бы (не состоявшееся в реальности) усыновление сироты, который затем становится единственным носителем памяти о Жабрее и карает убийцу. Скрытый мотив появления ребенка в семье (пусть приемного) дублируется сценой необычно долгой вечерней беседы Жабрея с Жабреихой, которую наблюдают односельчане и которой они дивятся: «Видели люди — он со старухой на завалинке сидел. Долго сидели, как молодожены какие, и о чем-то судили да дружно так. Деревенские прямо диву дались.

— Глядите-ко, Жабрей с Жабреихой наговориться не могут. Не иначе, перед смертью.

Шутили, конечно, а так оно и вышло» (с. 204).

Бажов, на самом деле, всегда «на стороне людей», их общности, недостатки которой известны ему: в мимолетном замечании тех самых деревенских, презираемых Жабреем, скрывается пророчество о близкой смерти одного из самых ярких героев с индивидуалистической психологией.

Сложным моментом в интерпретации мира Бажова являются взаимоотношения с миром Божьим, горним. Не уходя от предмета нашего

⁵ Умный, работающий и любящий Перфил и сам из многодетной семьи: он один из семерых братьев, что является для Урала знаковой топонимической матрицей. Семь братьев, красавица, поиски золота, шурфы и горы дают нам вполне очевидный канон многих уральских легенд и сказаний, однако Бажов здесь весьма дозированно подходит к фольклорному материалу: для него важно не создать очередное литературное переложение фольклорного текста, а показать, как сама «историческая реальность» стала той питательной средой, из которой вызрели сюжеты легенд и преданий. В этом смысле он конструирует подлинно мифологическое, текучее, незастывшее время начала всех вещей.

⁶ Очевидно, можно увидеть некоторое типологическое сходство в этой ситуации между статусом Ильи и Таютки (сиротство и детство), так как разница в возрасте не столь существенна для статуса сиротства, который сохраняется пожизненно, а перехода героя в другую социально-возрастную группу еще не произошло, потому что Илья холост. По крайней мере, по общему мнению, Хозяйка «милует детей».

интереса, оговоримся, что мир божественного, на наш взгляд, существует у Бажова как пространство непрозрачное, но не пустое. Наполненность его ощущается, прежде всего, представителями «тайной силы», которые находятся в постоянном противостоянии «божественному»: так, Хозяйке претит установка колонн из ее малахита в церкви, она избегает «крещеного имени» Тани-Памятки («Малахитовая шкатулка») и др. Между тем соционормативное устройство общества в традиционной культуре задается космогонией и высшим пантеоном. Отсутствие у Бажова силы, которая изрекает: «Мне отмщение и Аз воздам», — ведет к тому, что регулирующие функции перераспределяются по другим каналам. В частности, представляется возможным рассмотреть наказание через детей как трансформацию библейской модели кары, переходящей из поколения в поколение: «Заграничная барыня жива осталась, только с той поры все дураков рожала. И не то что недоумков каких, а полных дураков, кои ложку в ухо несут и никак их ничему не научишь» («Таюткино зеркальце») (с. 166).

*«Приисковский народ, известно,
не больно на людей памятливы»*

Связь темы вознаграждения и наказания через детей с темой памяти обусловлена у Бажова, в том числе, компенсаторными причинами (дети как бы «уравновешивают» дефицит прародителей). В патриархальной семье есть старшее поколение, одна из задач которого — хранение опыта, включающего в себя репутации членов семей и целых деревень.⁷ Мир же заводских поселков — это царство нуклеарных семей, «приискового люда», маргиналов, нанимающихся на один-два сезона («мало ли с кем случается сбегаться» (с. 205)); это пространство «короткой памяти», где не возлагают надежд ни на земное правосудие, ни на человеческую благодарность. От человека без наследников «только и осталось, что пусто-порожнее место с ямами» (с. 206). Интересно проследить, как в этом случае художественная реконструкция «уральского поселка», исторически характеризующегося распадом патриархальных и социальных связей, активизирует

древнейший архетип передачи памяти и знания через «кровь» как единственно надежное средство трансляций опыта (ведь если своих детей нет, то и печалиться некому).

Принцип многочисленного здорового потомства действует и в третьем поколении. Более того, уральские «коренники» только так и рождаются, беря начало из нравственно здорового истока. Уже упоминавшаяся Устя-Соловьишна и ее муж-камнерез становятся прародителями сысертских малахитчиков и знаменитого Железко. Библейски множится потомство Глафиры: «Как до бабкиных годов Глафира достукалась, так внучатам и счет потеряла. Это перфилово да глафирино поколение не один дом тут поставило. Заявку, можно сказать, нашему заводу сделало. Конечно, и других много было. Ну, эти — коренники» (с. 225).

Поколение внуков также может продолжить эту тенденцию к восполнению жизни, «вознаграждению» за понесенные утраты: Таютка Заря — одна из немногих бажовских героинь, которой не повредил контакт с иным миром (оставим в стороне амбивалентный символический смысл зеркала), и это косвенно подтверждается самим фактом существования у Таютки внучки (по контрасту с барыней, рожавшей дураков).⁸ Настасья, пережившая очевидную иноприродность дочери, ее отчуждение и, наконец, утрату, благословляется внуками и ежедневной заботой о них, что на языке сказов Бажова равнозначно полноте любви: «Погоревала, конечно, Настасья, да то же не от силы. Танюшка-то, вишь, хоть радетельница для семьи была, а все Настасье как чужая. И то сказать, парни у Настасьи к тому времени выросли. Женились оба. Внучата пошли. Народу в избе густенько стало. Знай, поворачивайся — за тем догляди, другому поддай... До скуки ли тут!» («Малахитовая шкатулка») (с. 57).

Таким образом, наличие или отсутствие детей, их количество и «качество» практически непосредственно связаны с местом персонажа на «нравственной шкале» в мире бажовских сказов. Народная культура в этом отношении менее категорична, легко допускает разногласия («Без детей тоскливо, с детьми вередливо», «Свой дурак дороже чужого умника»,

⁷ См. об этом, напр., главу «Старики» в кн.: Бердинских В. В. Русская деревня: быт и нравы. М., 2013. С. 152–154; Он же. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011; Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004.

⁸ «Зато у Таютки зеркальце сохранилось. Большого счастья оно не принесло, а все-таки свою жизнь она не хуже других прожила. Зеркальце-то, сказывают, своей внучке передала. И сейчас будто оно хранится, только неизвестно — у кого» (Бажов П. П. Указ. соч. С. 167).

«Счастливая дочь — в отца, а сын — в мать» и др.). В художественном мире Бажова устройство мироздания таково, что жизнь сама отбирает самое сильное, живучее в этом мире.

Норма и девиация

Эта оппозиция актуальна для традиционной культуры: норма поддается определению только через отклонение, девиацию, отношение к которой обычно настороженное, поскольку ценностью является сохранение существующего миропорядка, а любое нововведение так или иначе посягает на его изменение. Рассмотренная выше функциональность художественного этнографизма Бажова была связана в первую очередь с авторскими интенциями, формирующими и стабилизирующими систему ценностей с минимальным включением в нее стохастических элементов. Оппозиция «норма — отклонение» актуальна на тех уровнях текста, где содержатся элементы, «подтачивающие» изнутри, неустанно тестирующие эту стремящуюся к стабильности систему, повышая общую динамику художественной структуры.

Как это часто наблюдается в литературе, Бажов фиксирует не норму, а отклонение, проявляющееся среди детей в первую очередь в знаках, которые можно обнаружить во внешности детей, в их характере, манере поведения, излюбленных играх. Знаки эти всегда неслучайны: так заявляет о себе натура ребенка и его судьба. У взрослых же «отметины» могут быть результатом биографии. Например, «заметка по ремеслу» на лице Кузьки Двоерылка оставлена ударом лопаты, однако это лишь делает зримым истинную, вороватую, сущность персонажа («Синюшкин колодец»).

«Отмеченных», особых детей в сказах Бажова много. К детям «без знаков» можно отнести Даренку, Таютку, Лейка и Ланка, Федюньку (здесь мы имеем в виду знаки во внешности и склад характера, оставляя за скобками особый статус сиротства, младших детей и др.). Среди них доля детей с судьбой, которая сложилась неплохо, даже при непростом начале, максимальна. Остальные дети несут печать «отмеченности», размышляя о которой мы, безусловно, смещаемся из этнографического в мифологический пласт сверткста Бажова.

Происхождение «отмеченности» может быть разнообразным. В мифологическом сознании внешнее и внутренне неразрывно свя-

заны: внешняя особенность ребенка становится лишь проявлением его иной природы либо служит знаком скорой трансформации внутренних качеств, знаменуя направление грядущих изменений. Яркий пример тому — замечание рассказчика, сопровождающее описание характера горбуна Мити: «Другие ребятишки, — я так замечал, — злые выйдут при таком-то случае, а этот ничего — веселенький рос и на выдумки мастер» (с. 91). Здесь очевидна возможная амбивалентность физической «отмеченности» — знака некоей инаковости, иноприродности Мити, который кроме физического недостатка, имеет несколько даров: наследственную музыкальность, способность понимать и утешать людей.⁹ Даниле, от которого Митя наследует способность к музыкальной импровизации, пришлось скорее преодолевать, чем развивать свои специфические черты: задумчивость, всепоглощающее внимание к деталям, — чтобы вписаться в социальный контекст. В Мите же отцовская стойкость обернулась хрупкостью, и в финале он «куда-то девался» и из пространства сказов вообще.

Рыжий «тонкогубик» Костька оказывается хитрым, лживым и пакостливым («Про Великого Полоза», «Змеинный след»). Его потомство — «опаленыши» — не допускается в этот мир велением «иной силы».¹⁰ Старший брат Костьки — Пантелей — крив на один глаз, и изъян этот «вовсе парня к земле прижал. Тихий стал, — ровно все-то его больше да умнее. Слова при других сказать не умеет. Помалкивает все» (с. 190). Дефект «косоротенькой» Марьюшки («Голубая змейка»), останавливающий разборчивых женихов, тоже не улучшает ее «сердитенький» характер, а финальное счастье включает в себя не только сватовство, но и исправление физического недостатка девушки.

В «отметинах» детей важную (хотя и не определяющую) роль играет генеалогический фактор («порода»). Так, стойкость Данила,

⁹ Именно способность Мити предотвращать «драчишки» дивит соседок. Хотя отношения между братьями и сестрами в большинстве сказов Бажова теплые, но «нормально-агональные»; такой «огонек в лесу», как Митя, редкость: «кого развеселит, кого обогреет, кого на думки наведет» (Там же. С. 92).

¹⁰ Справедливости ради заметим, что мотив детей-«опаленышей» возникает в контексте намерений Костьки жениться на рыжей плясунье, нечеловеческая природа которой открывается в конце сказа, что объясняет как ее привлекательность для Костьки, так и, очевидно, «порченное» потомство в случае их брака.

возможно, оберегает от искажений характер сына Мити, тогда как у тяжелобольного, «изробленного» Левонтия порче подвергаются оба сына («Про Великого Полоза»). Илью хранит завет бабки Лукерьи: «Ходи веселенько, работай крутенько, и на сололке не худо поспишь, сладкий сон увидишь. Как худых думок в голове держать не станешь, так и все у тебя ладно пойдет, гладко покатыся» (с. 255). Исход судьбоносной встречи Дениски Сироты с Жабреем определяется тем, что подросток, повторив материнский наказ («до полной бороды в рот капли вина не бери»), своим поведением демонстрирует верность тем принципам, которые он впитал не в своем сиротстве, а в родительском доме (не просить милостыню, не унижаться и др.). Также нрав и репутация родителей Даренки («оба веселые да ловкие были») имеют решающее значение для Коковани, который первоначально вообще не рассматривал вариант с сироткой-девочкой («Серебряное копытце»).

Противоположные примеры также существуют: «комариная порода» воспроизводит сама себя. Та тоска, в которую погружается Жабрей при виде людской жадности, заставляет вспомнить известный на Урале образ множества комаров (и связанный с ним ассоциативно образ болота) как неуничтожимого морока, зла, которое нельзя победить ни силой, ни волей, ни добром. Этот образ отсылает нас к мифологическим параллелям с низшим миром. Например, у коми ад может быть описан, в частности, как комариное болото.¹¹

Драматическая ситуация, которая складывается, когда обычные родители обнаруживают нечто иноприродное в своих детях, в народной культуре оформилась в сюжет о «подменном ребенке». Есть это понятие и в сказах Бажова «Красота-то — красота, да не наша. Ровно кто подменил мне девчонку», (с. 38) — вздыхает мать о Танюшке («Малахитовая шкатулка»). Свою настоящую мать девочка «опознает» в страннице, почувствовав к ней моментальное и безотчетное доверие. Странница-Хозяйка, избегая «крещеного имени», именуется Таню «доченькой» и «дитятком», чем раздражает Настасью. В контексте

сказа очевидно, что Татьяна — дочь Хозяйки и ее двойник: после того как Татьяна тает в малахитовой зале, Хозяйка Медной горы начинает «двоиться».

Следует отметить, что подобное «удвоение» происхождения, когда герой одновременно имеет родителей и в человеческом мире, и в мире бессмертных, глубоко типологично и наблюдается, например, в большинстве родословных древнегреческих героев. В классической мифологической системе герой выполняет функции медиатора, соединяя мир высший и средний. У Бажова, в иной жанровой системе и при другой базовой установке сознания, функции Хозяйки как родительницы скорее намечены, чем прорисованы явно, это более догадка читателя, нежели утверждение автора. Нужда в продолжении рода бессмертной владелицы подземных богатств носит не бытовой, а онтологический характер.

Вообще, всякая выделенность таит потенциальную опасность: так, и вполне земная пещельница Устя-Соловьишна, будучи ни в мать ни в отца, привлекает внимание Яшки Облезлого, что и становится сюжетом «Травяной западенки». Не находится места в этом мире Мите («Хрупкая веточка»), не суждена долгая жизнь сироте Илюхе, понравившемуся Синюшке, и его избраннице, «отмеченной» поразительным сходством с одним из обликов хранительницы колодца.

Итак, в аспекте реализации мотива «подменных детей» в бажовских сказах мы можем констатировать следующее: в художественной реальности Бажова такое «случается» — в семье может родиться ребенок, совершенно не такой, как его родители; они любят его, но не могут не чувствовать его иную сущность. Чаще всего к этому опосредованно приводит контакт одного из родителей с «тайной силой», но влияние это не прямое, отложенное (в «Хрупкой веточке» только Митя иной, тогда как остальные восемь детей Данила вполне обычны). Таким детям, по большому счету, нет места в этом мире — они уходят из замкнутого мира бажовских сказов, что художественно равнозначно уходу из мира (вспомним таких героев, как Таня-Памятка или Митя). Все, что могут сделать для них родители, — это принимать их особость и особость их судьбы, что само по себе не просто, так как ценностью в мире традиционной культуры является как раз полная реализация нормы, которая в данном случае

¹¹ Конаков Н. Д. Ад // Этнографическая электронная энциклопедия. Традиционная культура народов европейского Северо-Востока России. Коми. URL: <http://www.komi.com/Folk/komi/373.htm> (дата обращения: 1.03.1014). О комарах как слабых, но единственных смертельно-опасных существах есть свидетельства в очерках С. В. Максимова «Год на Севере» (Архангельск, 1984. С. 344).

нарушается, вследствие чего родители находятся под постоянным более или менее агрессивным общественным давлением.

Говоря об «особых» детях, нельзя обойти вниманием образы сирот, поскольку они, как никто другой, кажутся соответствующими статусу «чужих». В фольклорных и литературных сюжетах сирота имеет особый статус, соединяя черты медиатора и маргинала. Сиротство в творчестве Бажова рассматривалось Е. Харитоновой в контексте прежде всего реализации фольклорно-сказочных сюжетов.¹²

В сказах, вошедших в первый том, круглых сирот трое — Данилко Недокормыш, Дениско Сирота и Даренка. Если смотреть на сирот в этнографическом ракурсе, то важнейшим станет вопрос об отражении в сказах практик усыновления и установления опеки над осиротевшими детьми. Как показывает Бажов, дети постарше поступают в учение либо начинают работать (сестры Даренки, Дениско и Данило); младшие (как сама Даренка) — оказываются в семьях в положении нахлебников и, что важно, по воле начальства. В проанализированных нами сказах не встречается ситуация, когда бы судьбу сироты решала деревенская община. При живом родителе в судьбу ребенка никто не вмешивается. Так, Ганя Заря идет на прямой риск, спускаясь с дочерью в шахту, так как никакой приемлемой альтернативы у него нет (никто не предлагает ему оставить девочку на день у себя дома); Федюнька, когда отец попадает в больницу, сбегает от мачехи-медведицы к чужому деду, и это тоже их частное дело. Судьбы Дениски Сироты мы не знаем, но его раннее начало трудовой деятельности заявлено. Судьбой Данила распоряжается приказчик. Это важно, так как свидетельствует о том, что никто из поселковых и приисковых не несет и не чувствует ответственности за детей, оставшихся без родителей (хотя круглые сироты редки, и Коковане, чтобы найти такого ребенка, приходится навести справки).

Только Кокования ищет сиротку целенаправленно. Ни Прокопич, ни Никита Жабрей не говорят о своих планах усыновления, по-видимому, не имея их. «Легитимизация» идеи усыновления у Коковани состоит в том, что «семьи у него не осталось», он имеет примерное представление о поле и возрасте ребенка, которого хотел бы взять, чтобы «растить по-

собника». В итоге, на его решение оказывает влияние нрав («порода») умерших родителей Даренки, а при встрече с ней у него в руках, по воле случая (= по велению судьбы), оказывается «ключ» к сердцу Даренки — ее угаданное имя. В двух других случаях решающим становится некое роковое стечение обстоятельств, через которое реализует себя судьба, приводя Данилку к Прокопичу, знакомя Дениску с Жабреем (а также сведя Федюньку и деда Ефима). В мире усыновительских практик Бажова важны не усилия и целеполагание, а угаданное веление судьбы, понимание, что жизнь сама складывается к лучшему для всех, если человек терпелив, открыт и при этом умеет отличить «свое» от «не-своего». От принимающей стороны достаточно «лишь» открытости и душевной щедрости, способности отступить от кажущегося решенным сценария жизни, чтобы ребенок и взрослый могли ощутить тепло подлинно семейных отношений. Здесь мы наблюдаем обратное развитие сюжета: хотя сирота — фигура, обреченная на высочайшую концентрацию «чужого», его/ее черты могут быть опознаны усыновителем как близкие и из «ничьих» (незнакомых) стать «своими».

Встреча с сиротой чаще всего становится «моментом истины» для взрослых: так, с появлением Данила смягчается характер Прокопича, а модус поведения Дениски Сироты настолько не соответствует ожиданиям Жабрея, что их своеобразный агон заканчивается безусловной победой подростка. В «Жабреевом ходке» мы видим один из интереснейших вариантов модели усыновления — не состоявшееся в реальности усыновление. Агональное противостояние Дениски и Жабрея, кроме чувства собственного достоинства, неожиданно развитого у подростка-сироты, обнаруживает его непричастность, нетронутость вирусом «комариной породы», столь ненавистной Жабрею. Старик приглашает мальчика, которого «давно присматривал», наутро к себе в избушку, однако этот разговор оказывается последним в их жизни. В символическом плане все проходит в правильной очередности: вечер-свидание с женой — и ребенок-преемник-наследник наутро. Со своей стороны и Денис, вернувшись после острога в деревню, ведет себя так, как в мире сказов Бажова может вести себя только член семьи, родственник: приходит на место брошенного дома, разгадывает тайну «ходка» и находит убийцу Жабрея и Жабрейхи, после чего следы его теряются.

¹² См.: Харитоновая Е. В. Сироты, сиротство в сказах П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 368–370.

Итак, из троих сирот Данило оказывается наиболее социально адаптированным: его семья, наравне с Глафириной («Золотые дайки»), может служить эталонной и по многодетности, и по вниманию к детям (хотя свой «нездешний» статус он в полной мере реализует при встрече с Хозяйкой). О дальнейшей судьбе Даренки мы не знаем ничего (что, как и в случае с Федюнькой, оставляет возможность продолжения; функционально это «нулевая флексия» и скорее «хорошая новость»). Денис, не встретившийся с усыновителем в этой жизни и разделивший с ним ситуацию быстрого забвения земляками, уходит «в Сибирь или другое место»: не состоялось усыновление — нет продолжения памяти.

Таким образом, рассмотренные в ракурсе этнографии детства сказы Бажова показывают, что усыновление, совершенное не по личному решению, а по воле судьбы, гораздо менее опас-

ное и трудное дело, чем, например, воспитание собственного «нетакого», а то и «подменного» ребенка, либо знание, что дети пытаются выйти на контакт с силами заведомо вредоносными (ситуация «Голубой змейки»). Основные концепты усыновления, фоновые присутствующие в сказах Бажова (общественная переадресация ответственности за сирот, утверждение ведущей роли обстоятельств, значение «породы» и др.), остаются актуальными по сей день.

Дальнейшим развитием исследований темы детства может быть анализ того пространственно-временного континуума, в который помещаются дети у Бажова, а также изучение практик наставничества по вертикали и горизонтали (через отношения со сверстниками и старшими поколениями, а также с представителями «тайной силы»), однако эти размышления уже выходят за пределы темы данной статьи.

Natalia B. Gramatchikova

Candidate of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

ARTISTIC ETHNOGRAPHY OF CHILDHOOD IN FAIRY TALES BY P. P. BAZHOV (axiological aspect)

Based on the analysis of the ethnographic component of childhood culture in the works of P. P. Bazhov the author tries to understand the connection of this sphere of life with various functional aspects of the tales. Childhood ethnography is deeply related to the shaping of Bazhov's super-text axiology, where the hero's punishment/encouragement comes via his progeny and depends on his moral qualities. The scope of research also covered the notions of "norm" and "memory" and their preservation under the conditions of various forms of communication between the representatives of "secret power" and the natural, the "substituted" children, and orphans within the adoption practice context. The author noted diversified use of ethnographic description resource in the text of Bazhov's tales, from the basic function of generating confidence in the words of the author to full-fledged involvement in building the author's artistic and mythological world view where the ethnographic components related to children and the family were endowed with a special axiological meaning.

Key words: *ethnography of childhood, traditional culture, children, adoption, norm, orphan, offspring, mythological consciousness, reliability*

REFERENCES

- Bazhov P. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1952, 360 p. (in Russ.).
- Berdinskikh V. V. *Rechi nemykh. Povsednevnyaya zhizn russkogo krestyanstva v XX veke* [Dumb speech. Everyday life of the Russian peasantry in the XX century]. Moscow: Lomonosov Publ., 2011, 320 p. (in Russ.).
- Berdinskikh V. V. *Russkaya derevnya: byt i nrayy* [Russian village: life and customs]. Moscow: Lomonosov Publ., 2013, 266 p. (in Russ.).
- Bezgin V. B. *Krestyanskaya povsednevnost (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka)* [Peasant trivia (tradition of the end XIX — beginning of XX century)]. Moscow; Tambov: TGTU Publ., 2004, 304 p. (in Russ.).
- Kharitonova Ye. V. *Bazhovskaya entsiklopediya* [Bazhov's encyclopedia]. Ekaterinburg: Sokrat; UrGU Publ., 2007, pp. 368–370. (in Russ.).
- Konakov N. D. Available at: <http://www.komi.com/Folk/komi/373.htm> (accessed 1 March 2014). (in Russ.).
- Litovskaya M. A. *Evolyutsiya zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossiyskikh protsessov* [The evolution of genres in literature Urals XVII–XX centuries. processes in the context of nationwide]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2010, pp. 434–451. (in Russ.).
- Maksimov S. V. *God na Severe* [Year in the North]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1984, 607 p. (in Russ.).
- Zherdev D. Available at: http://mith.ru/alb/lib/bazov/mim2_1.htm (accessed 1 March 2014). (in Russ.).